

К характеристике русского общества в 1812 году

История «достопамятной войны» изучена наиосновательнейшим образом, но история 1812 года до сих пор так и не написана. Одной из причин этого, едва ли не парадоксального, обстоятельства является то, что так сказать «внутренняя» история войны, история российского общества оказалась заслонённой собственно военной историей войны. Отдельные экскурсы в историю «общественную» (например, основательные исследования А.Н. Попова)¹ скорее были исключением из правила. На первом плане была и по-прежнему остаётся именно военная история 1812 г. На это важное обстоятельство обратил внимание ещё в начале позапрошлого столетия видный военный историк К.А. Военский в предисловии к подготовленной им публикации «Акты, документы и материалы для политической и бытовой истории 1812 года».² Но завершить это важное и полезное издание, введившее в оборот множество неизвестных, часто «неожиданных», ценных источников, которые позволяли взглянуть на события войны под несколько иным, отличным от принятого и привычного, углом зрения, автору не удалось. Коллективное издание «Отечественная война и русское общество»³ уже заметно отличалось от сложившейся к тому времени официальной точки зрения в трактовке событий 1812 г. В нём заметно большое внимание уделялось именно обществу, сословным настроениям и общественному мнению в разные годы царствования Александра I, включая и, разумеется, 1812 г.

К 100-летию юбилею войны было выпущено немало документальных сборников — достаточно назвать известный сборник П.И. Щукина — других документальных публикаций, но, несмотря на, казалось бы, открывавшиеся благоприятные возможности в изучении истории общества, вкус к подобному рода исследованиям если и не был утрачен, то в значительной мере и до сих пор определяется, где концепцией, которая сложилась в историографии на протяжении ряда лет с 1917 г. по 150-летний юбилей 1812 г. весьма заметно влияние господствовавшей идеологии. Между тем, такие исследования, с привлечением разнообраз-

¹ *Попов А.Н.* Москва в 1812 г. (Русский Архив. 1875. Т. II—III; 1876. Т. I—II); «Отечественная война: от Малоярославца до Березины» (СПб. 1877); «Славянская заря в 1812 г.» (Русская Старина. 1892. № 12; 1893. № 1), «От Смоленска до приезда Кутузова в армию» (РС. 1893. № 11, 12), «Движение русских войск от Москвы до Красной Пахры» (РС. 1897. № 6—10) и др.

² Акты, документы и материалы для политической и бытовой истории 1812 года, собранные и изданные по поручению Его Императорского Высочества Великого князя Михаила Александровича, под ред. К.А. Военского. Т. 1—3. СПб., 1909—1912.

³ Отечественная война и русское общество. 1812—1912. Т. I—VII. СПб., 1911—1912.

ных материалов, в изобилии опубликованных в исторических журналах и отложившихся в архивах, существенно раздвинуло бы и разнообразило имеющиеся представления об «общественном» фоне войны 1812 года.

Война 1812 года завершила собою первую половину александровского царствования. Однако от внимания современников не ускользнуло то обстоятельство, что сам император без всякого удовольствия вспоминал об этом времени и не выказывал желание посетить места сражений в России, между тем как с любопытством осматривал поле битвы, которое французы долго еще называли сражением при Мон-Сен-Жане пока затем утвердилась английская «версия» — при Ватерлоо. Императору доставляло несомненное удовольствие вспоминать о войнах 1813–1814 гг. и, конечно, о смотре русских войск в Вертю. Это вполне отвечало и умонастроению, и самому характеру императора: в 1813–1814 гг. он непосредственно участвовал в военных действиях и даже подвергал себя некоторой опасности, но главное он считал себя инициатором освободительной войны от ненавистного ему «наполеонова владычества» и был руководителем многих и дипломатических, и военных деяний.

Совсем не то кампания 1812 года; здесь на первый план для Александра I выступали тягостные унижения, неприятности, «бедствия», а то, что дало возможность в целом успешно завершить кампанию, в сущности, не зависело от воли императора. Воспоминания о войне 1812 года отмечены были для него памятью о вынужденном бездействии в Петербурге, где государю приходилось едва ли не скрываться, во избежание необходимости выслушивать обвинения в слабости, а также бороться с разладом в собственной душе и противоборством внутри семьи. Отмечены были эти воспоминания и тем, что его военные планы не осуществились, и содействие трёх русских армий в деле охвата Великой армии на путях из Москвы так, как того хотел Александр, не состоялось. До поры, до времени он отклонял «приглашения» прибыть к армии, ибо не желал оказаться перед необходимостью спасаться бегством в случае неудачи, как всё бежало из Москвы перед вступлением туда французов. Потом уязвление самолюбия выразилось в ожидании военного успеха, а он, если и случался, то не казался таким впечатляющим, чтобы загладить впечатление об отступлении армии и потери одной из столиц.⁴ В согласии с государем генерал-адъютант и начальник Главного штаба П.М. Волконский с некоторых пор вообще считал, что «давно бы пора перестать говорить о кампании 1812 года или по крайней мере быть скромнее».⁵

Всё это вкупе с тем, что императору становилось известным из переписки с такими деятелями 1812 года как Ф.В. Ростопчин, способствовало

⁴ Correspondance de Alexandre I avec sa soeur. SPb., 1910. P. 83–93.

⁵ РА. 1875. № 5. С. 90.

тому, что у Александра I сложилось убеждение в том, что, как потом уже высказывался выдающийся российский историк М.П. Погодин, «война 1812 года принесла России более безславия, чем славы». ⁶ Нельзя забывать, что сдача и пожар Москвы произвели на государя потрясающее впечатление: он пережил мучительные, незабываемые минуты страха, впервые обратившись к Евангелию и до конца дней своих не любил вспоминать об том времени, когда ощутил колебание устоев, на которых покоилась империя, и трепет за свою судьбу. Поэтому он и отрещивался от войны 1812 г., относя благополучный исход её к Божественной воле.

К этому присоединилось и то обстоятельство, что из различных и вполне надёжных источников государь был осведомлён о том, как проявили себя те или иные сословия в годину нашествия.

В разговоре Александра I с С.Г. Волконским, который имел место на исходе 1812 г., когда государь расспрашивал князя о настроении сословий, прозвучал вопрос: «А дворянство?» На что последовал такой ответ: «Государь! Стыжусь, что принадлежу к нему — было много слов, а на деле ничего». ⁷ Услышав это, император «взял меня за руки и сказал: «Рад, что вижу в тебе эти чувства; спасибо, много спасибо». Такое «сочувствие» государя и флигель-адъютанта показательно; собеседники имели в виду не дворянство армейского или гвардейского офицерства, а те широкие слои столичного и поместного дворянства, на плечи которого легла обязанность на деле доказать свою приверженность престолу и готовность к жертвенности перед лицом испытаний.

Суждения сродни тому, что высказал князь Сергей Григорьевич, не единично. Сохранился столь же, на первый взгляд неожиданный, но ещё более суровый отзыв современника: «В годину испытания <...> не покрыло ли оно (дворянство. — *С. И.*) себя всеми красками чудовищнейшего корыстолюбия и бесчеловечия, расхищая всё, что расхитить можно было, даже одежду, даже пищу, и ратников, и рекрутов, и пленных, несмотря на прославленный газетами патриотизм, которого, действительно, не было ни искры, что бы ни говорили о некоторых утешительных исключениях?» ⁸

«Всякий малодушный дворянин, — писал московский генерал-губернатор и главнокомандующий Москвы граф Ф.В. Ростопчин Александру I в письме от 14 декабря 1812 г., — всякий бежавший из столицы купец и беглый поп считает себя, не шутя, Мининым и Пожарским, потому что один из них дал нескольких крестьян, а другой несколько гро-

⁶ Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 1. СПб., 1888. С. 83.

⁷ Волконский С.Г. Записки Сергея Григорьевича Волконского (декабриста). С послесл. издателя князя М.С. Волконского. СПб., 1902. С. 193.

⁸ Сушков Н.В. Из записок времени Императора Александра I // Вестник Европы. 1867. Кн. 2. С. 197.

шей, чтобы спасти этим всё своё имущество». ⁹ Тот же Ростовчин 26 января 1813 г. в письме к М.С. Воронцову отмечает «тупую гордость» во всех сословиях, «в каждом сознание, что без него государство бы погибло». ¹⁰ Упрекавший других в патриотическом самообольщении московский главнокомандующий, на самом деле более всех страдал этим недугом, но, тем не менее, действительность была весьма далека от того, что являл собою в разных вариациях апофеоз деяниям 1812 года.

На деле слишком часто оказывалось так, что даже когда дворяне жертвовали «всем», по выражению мемуаристов и историков первой половины позапрошлого века, когда губернские собрания постановляли «не щадить в случае сем не только своего достоинства, но даже жизни до последней каждой капли крови», оно никогда не забывало своих интересов. Русские дворяне смотрели на французов не столько, может быть, как на врагов России, сколько на тех, кто покушался на собственное их благополучие. Поэтому они и опасались, что с приходом французов крестьяне примутся бунтовать. Поскольку же на крепостном праве зиждилось их благополучие, постольку они отвечали готовностью идти на жертвы ради того, чтобы изгнать из страны «врага рода человеческого». Защита собственности побуждала дворян к содействию. Тем более что призывы властей нередко облекались в категорическую форму, как показывает, к примеру, дело о сборе с московских граждан миллиона рублей на покупку волов. В отношении министра полиции московскому главнокомандующему определённо говорилось, что государю угодно искомую сумму «составить или добровольным приношением или сбором посредством общей раскладки». ¹¹ На призыв о добровольных приношениях откликнулось 42 человека, а явились только трое, да и то не природных русских, а иностранцев. ¹² Большую часть суммы пришлось добывать путем раскладки.

В то же время власти, при всегдашней своей подозрительности к дворянству из опасений встретить проявления самостоятельности, даже всякого рода пожертвования рассматривались не как патриотический долг, а как правительственная прерогатива. Поэтому, отчасти, дворянство, даже подписавшись на вполне определённые суммы, не спешило расстаться с ними, ожидая соответствующих распоряжений.

В дневнике саратовского протоирея И.Г. Скопина, встречается такая запись: «Месяц Август. 15-го. По отмене милиции, никто из дворян

⁹ Русская Старина (далее РС). 1893. № 1. С. 187.

¹⁰ Архив князя Воронцова. Кн. 8. М., 1876. С. 469.

¹¹ РС. 1889. № 12. С. 666.

¹² Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П.И. Щукиным (далее Щукин). М. 1897. Ч. 2. С. 110–113.

и купцов не пожертвовал. Вот патриоты отечества! Жалкие люди... Так-то любят защищать то местопребывание, которое их покоит. Умы ещё в России не созрели. Да и долго не созреют». ¹³ Поэтому, по аналогии с отношением, вышедшим из-под пера московского обер-полицмейстера и направленного в Управу благочиния 19 апреля 1813 г., надо полагать, ряд добровольных пожертвований фактически в кассу так не поступил: а другие из подписавшихся на разные суммы в пользу московского ополчения, внести обещанные деньги просто напросто «забыли». Когда же, на основании имевшихся списков жертвователей, соответствующие комитеты вознамерились заполучить обещанные деньги, в Москве, к примеру, их не оказалось, а раз так, то «на том дело и остановилось». ¹⁴

С дворянскими ополчениями, делом, более, так сказать, «осозаемым», нежели пожертвование деньгами или «вещами», которые всегда имеют обыкновение исчезать неизвестно куда, в 1812 г. тоже было далеко не всё гладко. Ополчения эти, естественно, сплошь состояли из крестьян, и душевладельцы тщательно наблюдали свои интересы. Сдавая в ополчения ненужных в хозяйстве или вредных по поведению своему крестьян, они были уверены, что, по примеру милиции 1806 г., получат за этих ополченцев рекрутские квитанции, а, значит, в накладе не будут.

«В Тульской губернии также набрано было ополчение, но в меньшем размере против московского; с наших деревень пошло 30 ратников, — вспоминал Д.Н. Свербеев. — Тут, конечно, всякий старался соблюсти свои выгоды; отдавались люди пожилых лет, не отличного поведения и с телесными недостатками, допускаемыми, как исключение, для этого времени в самых правилах о наборе ополченцев...» ¹⁵ При таких условиях, ополченная «повинность» нередко переносилась на зажиточных крестьян, которые должны были вместо себя ставить рекрутов. Поэтому манифест от 3 ноября 1812 г. и слова о том, что крестьяне «охотно и добровольно» вступали в ополчение, вызывает решительное сомнение. Тем более что многие документы эпохи говорят скорее об обратном. Известная мемуаристка А.Г. Хомутова в своих воспоминаниях свидетельствует, что сдача в ополченцы «на каждом шагу» сопровождалась «раздирательными сценами». ¹⁶ В воспоминаниях другого современника отмечается, что отдача в рекруты в 1812 г. «по тогдашнему обыкновению обязательно» сопровождалась воем и плачем, раздававшимся <...> как у самого рекрутского присутствия, так и по прилегающим к нему улицам». ¹⁷

¹³ Из дневника И.Г. Скопина // *Хованский Н.Ф.* Участие Саратовской губернии в Отечественной войне 1812 г. Саратов. 1912. С. 9.

¹⁴ Шукин. М., 1903. Ч. 7. С. 122–128.

¹⁵ *Свербеев Д.Н.* Записки Дмитрия Николаевича Свербеева. М., 1899. Т. 1. С. 74.

¹⁶ Русский Архив (далее РА). 1891. № 11. С. 319.

¹⁷ Шукин. М., 1898. Ч. 3. С. 256.

С организацией полков на собственный кошт тоже бывало всякое. Ростопчин писал в письме от 22 августа 1813 г.: «Тайный советник Демидов (Николай Никитич. — С. И.) и камергер князь Гагарин (Николай Сергеевич? — С. И.) просили дозволить каждому из них обмундировать полк; однако они об этом и не позаботились. Первый из них пробыл некоторое время в армии, где его поведение было весьма подозрительно. Второй отправился из Можайска и Нижний Новгород, откуда воротился сюда. Демидов имеет 300 000 годового дохода, Гагарин столько же, но они и не думают выполнить обязательство, принятое ими на себя добровольно».¹⁸ Впрочем, известно, что Н.Н. Демидов участвовал в генеральном сражении войны во главе своего полка, как что возможно Ростопчин ошибся и, к примеру, вместо «1812» написал «1813»...

Казацкий же полк графа М.А. Дмитриева-Мамонова, о котором всегда упоминается, когда заходит речь об энтузиазме 1812 г., после того, как был сформирован, «не был в действии», то есть в освобождении российских пределов никак себя не проявил, а сами «мамоновцы отличались только своеволием, следствием которого было сожжение одного селения, где они стояли». Но это имело место уже в Германии, и «...несмотря на то, что командир полка заплатил жителям все убытки, происшедшие от пожара, главнокомандующий сделал Мамонову столь строгий выговор», что Мамонов вскоре подал в отставку. В феврале 1816 г. граф был уволен для лечения за границу,¹⁹ а сам «Мамоновский» полк был расформирован.

В «Мамоновском» полку на первых порах состоял и П.А. Вяземский, но затем М.А. Милорадович пригласил его в адъютанты, и в первом же деле — при Бородине — поэт едва не стал предметом общих насмешек. Лошадь, «которую отправил я из Москвы, не дошла ещё до меня», и, когда все отправились к «назначенным местам», Вяземский остался в одиночестве. Как и пристало поэту, он хотел было с досады застрелиться, если бы посланная из Москвы лошадь так и не пришла, но тут один из адъютантов Милорадовича предложил Вяземскому запасную лошадь. Эта запасная вскоре и была ранена пулей во время сражения без всякого вреда для седока.²⁰

Откровенно и иронично о своём участии в войне писал впоследствии и поэт Василий Андреевич Жуковский, который вступил в ряды Московского ополчения в августе 1812 и в начале февраля 1813 г. возвратился из похода:

«Вся моя военная карьера состоит в том, что я прошел от Москвы до Можайска пешком; простоял с толпою Русских крестоносцев в кустах

¹⁸ РС. 1893. № 1. С. 195.

¹⁹ Кичеев П.Г. Из семейной памяти. Граф М.А. Дмитриев-Мамонов // РА. 1868. № 1. С. 96–97.

²⁰ Вяземский П.А. Воспоминания о 1812 годе. М., 1869. С. 40–41, 51.

в продолжение Бородинского боя, слышал свист нескольких ядер и канонаду дьявольскую; потом, наскучив биваками, перешёл в главную квартиру, с которою по трупам завоевателей добрался до Вильны, где занемог, взял отпуск *безсрочный* и теперь остаюсь в нерешимости: ехать ли назад или остаться?» К сказанному поэт добавлял немаловажные для него причины того, что он покинул ополчение: «иногда приходит мне в голову, что мне никак не для чего здесь оставаться, <...> что потеряю остаток своего имения, которого уже половину потратил (ибо мой поход стоит мне денег!)...»²¹ Важную роль играло здесь и другое обстоятельство: «Певец в стане русских воинов», напечатанный в «Вестнике Европы» в конце 1812 г., приобрёл к тому времени громкую и заслуженную популярность, а в условиях всё продолжавшейся войны, когда одни герои выдвигались на передний план, а слава других тускнела, автору следовало считаться с мнением тех, от кого зависела оценка или переоценка тех или иных репутаций.

«Героем» войны, но в другом роде, был и рязанский предводитель дворянства Лев Дмитриевич Измайлов, избранный начальником местного ополчения. Владелец одиннадцати с лишком тысяч душ, а значит человек весьма состоятельный, генерал-майор Измайлов мог себе позволить не только собрать, но и содержать на своем «коште» многих ополченных офицеров, снабдив их оружием, обмундированием, съестными припасами и даже деньгами «без отдачи». Человек это был изрядно сильный — как никак «повалил нескольких губернаторов», всюду имел нужных людей, всегда мог замять дело щедрыми подачками, а участие в ополчении 1812 г. привнесло к его образу ещё и толику геройского ореола. Участвовать в боевых действиях пришлось ему уже в Германии, при осаде Гамбурга и других крепостей, за что пожалован он был в генерал-лейтенанты и табакеркой с портретом государя. Но, по возвращении начальника Рязанского ополчения домой, его «молодеческие» подвиги в конце концов обратили на себя внимание. «Пытошные» палаты, где изощрённо пытались провинившиеся крестьяне, и постоянно обновляемые сельские «гаремы» находились уже явно в противоречии с духом времени, и начавшееся следствие могло кончиться для генерала в лучшем случае опекой, если бы не своевременная смерть рязанского предводителя.

Бывало в 1812 г. и нечто посерьёзнее. 9 декабря среди ратников Пензенского ополчения — 4 пехотных и 1 конный полки, и при них артиллерийская рота, формировавшиеся в Пензе, Мокшане, Саранске, Инсаре, Чембаре и Краснослободске — вспыхнул бунт, который продолжался несколько дней. Ополченцы отказались идти в поход, требуя, чтобы им

²¹ Жуковский — Тургеневу, 9 марта 1813 // Письма В.А. Жуковского к Александру Ивановичу Тургеневу. Ред. и примеч. П.И. Бартерева. М., 1895. С. 97–98.

показали манифест, и говорили, что показанный им текст манифеста не настоящий, так как в нём нет, якобы, «красной печати», которая удостоверяет его подлинность. Осаждённых в одном из домов офицеров, ратники собирались отвести к казакам, «которые приехали судить дворян, и те, кто найдётся виновным, того и на виселицу...». Под угрозой «нового полковника» из бунтовщиков зазечь дом, офицеры вынуждены были выйти наружу. Их посадили в острог. «Адъютант ополченного полка» Шишкин записал в своих воспоминаниях такие угрозы по своему адресу: «Нет, это вишь *не Пугачёво*: тогда вас не всех перевешали, а нынче уж не отделаесть! Нет! полно вам властвовать!»

Бунт был подавлен направленными в город казаками с конной артиллерией под прикрытием башкирских полков. По словам Шишкина, «три дня лилась кровь»: по итогам следствия комиссии военного суда, до 300 ратников были уличены вместе с полковником-самозванцем в том, что были более других виновны в возмущении. Многие были взяты с поличным, то есть «с грабленными вещами».²² Решением комиссии военного суда от 20 декабря 1812 года, шестерых «зачинщиков бунта и неповиновения против начальства» наказали «виселницею», 28 «последовавших по внушению первыми к буйству и неповиновению» приговорили к наказанию «шпиц рутен чрез полки по три дни по разу», 91 человек «малоучаствующих» получили наказание в виде «шпиц рутен чрез полки по три дни по разу».²³ Остальные были отправлены на каторгу, поселение, в вечную службу по сибирским гарнизонам.

Своеобразная картина «разномыслия» наблюдается в 1812 г. и духовном сословии. Впрочем, военное священство несло свой крест наравне с остальной армией, и его подвижничество не подлежит сомнению.

«Разномыслие» касается, так сказать, духовенства гражданского. Образцом жертвенного служения можно рассматривать деятельность смоленского подвижника о. Никифора (Мурзакевича), который участвовал в обороне Смоленска, рискуя жизнью, обихаживал и исповедовал русских солдат и офицеров, причащал их Св. Тайн. Во время пребывания в городе французов о. Никифор продолжал исполнять свой долг, чем внушил к себе уважение властей, которые «охотно удовлетворяли его ходатайства и удерживали подчинённых от жестокостей и обид по отношению к горожанам».²⁴ Неустанная деятельность священника на благо паствы, но главным образом его отношения с «муниципалитетом», созданным французами в Смоленске, создали ему недоброжелателей в лице

²² *Шишкин И.И.* Бунт ополчения в 1812 году // *Заря*. 1869. Кн. 8. Отд. 2. С. 112–151.

²³ *Шукин. Ч. 9.* С. 83–84.

²⁴ *Орновский И.И.* Священник Никифор Адрианович Мурзакевич (1769–1834) // Священник Н.А. Мурзакевич. История города Смоленска. Смоленск, 1903. С. 11.

архимандрита Рязанского Феофилакта и преосвященного Ириней Смоленского, расследовавших «дела об измене» в Смоленской епархии после того, как французы ушли.

Но, наряду с высокими образцами патриотизма среди священства и монашества, в 1812 г. встречаются и другие.

14 сентября в письме протоиерею села Черкутина Владимирской губернии, собравшемуся бежать при приближении французов, опальный М.М. Сперанский писал: «Не слушайте бабьих басен, будто на духовный чин нападают — совсем нет. Какой стыд бежать от пустого страха и как вам после к своим прихожанам показаться!»²⁵ Протоиерей собирался к тестю в Нижний Новгород, а Сперанский его отговаривал. Внял ли зять разумному совету — неизвестно, но он был, вероятно, наслышан рассказов о почти что библейских ужасах, будто бы творимых французами в Москве.

Между тем церкви и монастыри Москвы в большинстве своем оставались без присмотра, подвергаясь грабежу во многом потому, что священнослужителей в церквях не было. Никакого распоряжения ни со стороны Св. Синода, ни от генерал-губернатора не было, однако «духовенство московское, спасая святыню и драгоценности церковные, в большинстве, вместе с тем, ревностно заботилось и о своём спасении ... личном».²⁶ Мало того, что «начальники их [московских монастырей] и почти вся братия были в бегстве»,²⁷ так ещё и «священнослужители покинули свои приходы», а «оставленные жители, в том числе и наши раненные воины, лишены были святых таинств».²⁸

Послушник Голутвинского монастыря²⁹ сообщает о том, что привезённый из-под Бородина тяжелораненый подполковник лейб-гвардии Семеновского полка А.Я. Губерти 29 августа скончался, а поскольку «священник от Никиты мученика уехал из Москвы, да и в прочих церквях священников не оказалось», родственники послали слуг смотреть, «не проедет ли какой батюшка», чтобы пригласить его отпеть покойника. Одного такого едущего из Москвы остановили и «упросили совершить христианский обряд».³⁰ Раненный при Бородине прапорщик А.С. Норов ни словом не упоминает, были ли русские раненные посещаемы священниками в Москве.

²⁵ РА. 1892. № 8. С. 409.

²⁶ *Матвеев Н.И.* Москва и жизнь в ней накануне нашествия 1812 года. М., 1912. С. 248.

²⁷ Записки митрополита Московского Филарета // Оснадацатый век. Исторический сборник, издаваемый П.И. Бартевым. Кн. I. М., 1869. С. 507.

²⁸ *Свербеев А.Д.* Воспоминания о московских пожарах // Вестник Европы. 1872. № 11. С. 317.

²⁹ Богоявленский Старо-Голутвинский мужской монастырь, основанный в 1385 г. в городе Коломна при впадении р. Москвы в Оку.

³⁰ *Губерти Д.В.* Отзвук Бородинского боя // РА. 1900. № 6. С. 238.

Протоиерей Кавалергардского полка о. Михаил (Гратинский), оказавшийся в Москве и оставшийся в ней, «испросил у Французского начальства позволение отправлять свободно Божественную службу». Снабжённый «письменным видом», священник выбрал уцелевшую церковь Архидьякона Евпла, к которой по его просьбе было приставлено двое солдат. В «царский» день 15 сентября, когда отмечалось коронавание Александра I, «при многочисленном, по первому удару колоколов, стечении оставшегося в Москве народа», началось первое Богослужение, «после о здравии Монарха нашего и всей Его Императорской Фамилии отправлено было молебствие с коленопреклонением, на коем, более часа, во всё время, когда народ прикладывался ко кресту, пето было многолетие и продолжался колокольный звон. Вся церковь была омыта слезами. Сами неприятели, смотря на веру и ревность народа Российского, едва не плакали».³¹ Службы в этом храме продолжались и далее.

«В праздник коронации у Никиты Мученика и в двух других церквях была служба и, по позволению начальства, благовестили, — сообщается в документе под названием «Перечень известий из Москвы» от 20 сентября. — Стечение народа было чрезвычайное; но, как по расхищению книг, сосудов, по недостатку просвир и вина, нельзя было служить обедни, то были токмо часы с водосвятием».³²

В сумятице войны, затронувшей не только «благоприобретённые», но и коренные губернии России, едва ли не всепоглощающим и всепроникающим было чувство неотвязного страха. Причем не столько страха перед внешним врагом, — хотя и это присутствовало в среде дворянства и связанной с ним бюрократии, — сколько страха иного свойства. «Я боюсь прокламаций, — писал командир 7-го пехотного корпуса Н.Н. Раевский, — чтоб не дал Наполеон вольности народу, боюсь в нашем краю внутренних беспокойств...».³³ Такое настроение в дворянском сословии было повсеместным и господствующим.

По свидетельству Ф.Ф. Вигеля, «многие из помещиков опасались, что приближение французской армии и тайно подсланные от неё люди прельщениями, подговорами возмутят против них крестьян и дворовых людей».³⁴

На опасность распространения крестьянского движения указывал и масон И.А. Поздеев в письме из Вологды от 19 сентября 1812 г. к С.С. Ланскому: Упомянув о том, что «одни дворяне и их приказчики побуждают к

³¹ Рапорт протоиерея Гратинского обер-священнику Иоанну Семеновичу Державину, 5 декабря 1812 // История Кавалергардов и Кавалергардского Ее Величества полка, с 1724 по 1 июля 1851 года. СПб., 1851. Прилож. № 13

³² РА. 1864. № 11--12. С. 1196-1197.

³³ Архив Раевских./ Ред. и примеч. Б.Л.Модзалевского. Т. I. СПб. 1908. С. 154.

³⁴ Вигель Ф. Ф. Записки Филиппа Филипповича Вигеля. Ч. 3. М. 1892. С. 47

повиновению Государю, дабы подати, подводы и прочие налоги давать», Поздеев продолжает: «А дворяне к мужикам остужены разсеянием слухов от времен Пугачёва о вольности, и всё это поддерживается головами французскими и из русских, а ныне паче и французами, знающими, что оная связь содержала, укрепляла и распространяла Россию, а именно, связь Государя с дворянами, поддерживающими его власть над крестьянами, кои теперь крайне отягощены наборами рекрут и так называемым ополчением <...> И далее, «при таком частом и строгом рекрутстве и наборах ожидай всеобщаго бунта против Государя и дворян...».³⁵ На ту же тему и почти в тех же выражениях Поздеев писал и графу А.К. Разумовскому, министру народного просвещения, масону, а значит собрату.

Чиновник статистического отделения Министерства полиции Готхильф Теодор фон Фабер писал в конце 1812 г. из Петербурга: «Русские помещики, <...> готовились к мятежу своих крестьян».³⁶

Вообще, настроение правящих кругов в 1812 г. было вполне типично. Рабовладельческое общество растерялось до последней степени и утратило способность оценивать факты по действительному их удельному весу. Оно колебалось меж опасениями и надеждой на благополучный исход событий. Поводом для тревоги и паники, была угроза социального переворота, и хотя скоро факты стали указывать на противоположные настроения Наполеона, паника продержалась до конца войны. Крепостной строй в начале XIX в. ещё не изжил себя. Его мог опрокинуть лишь внешний толчок. Дворянское общество это если не понимало, то хорошо чувствовало.

Откровенно, более того, цинично, характеризует в своих записках сущность дворянского патриотизма Ф.В. Ростопчин: тогда, в 1812 г., русский человек, выражая своё отношение к происходящему и «забывая о своём рабстве, негодую на оковы, которые готовит ему иностранец, предпочитает смерть позору — быть побеждённым».³⁷ Возможно, это было и так, и русский дворянин забывал о собственном рабстве, но по одной причине — для него был дорог собственный крепостной, потерей которого угрожало ему нашествие.

Именно это имел в виду А.П. Ермолов, когда писал о том, что главнокомандующий 1-й Западной армии, не будучи уверенным в том, как поведёт себя основное население, распорядился обнародовать прокламацию к жителям Смоленской губернии, приглашая их «противостать неприятелю, когда дерзнёт поругаться святыне, в жилища их внесёт грабёж, в семейство бесчестие женам».³⁸

³⁵ РА. 1875. № 9. С. 13.

³⁶ РА. 1902. № 1. С. 36.

³⁷ РС. 1889. № 12. С. 674.

³⁸ *Ермолов А.П.* Записки Алексея Петровича Ермолова с приложениями. Издание Н.П. Ермолова. Ч. 1. 1801—1812 гг. М., 1865. С. 149.

По мнению сардинского посла графа Ж. де Местра, в то время обретавшегося в Петербурге, «самая грозная революция предстояла России от освобождения крестьян, стоило только появиться какому-нибудь Пугачёву, питомцу одного из университетов». ³⁹ Наполеон же, как известно, университетов не кончал, однако в этом случае, когда Великая армия ступила на русскую почву, как и в прочих, ему нельзя было отказать в здравом смысле.

Издав в российском мыслящем обществе задавались вопросом о той роли, которую могли сыграть французы в 1812 г. в освобождении народов России от уз крепостничества, дескать, более чем странно, что император французов — «сын Революции», этот «Робеспьер на коне» — отказался от тех действий и поступков, которые, казалось бы, напрашивались. И, тем не менее, как не раз впоследствии подчеркивал Наполеон, становиться «королем Жакерии» он ни при каких обстоятельствах был не намерен, и в этом отказе Наполеон всегда был последователен. Напротив, своими действиями он подчёркивал полнейшее нежелание вмешиваться во внутренние дела империи своего союзника, как он со времён Тильзита не переставал называть Александра I. Это нежелание ещё раз с очевидностью обнаруживает стремление Наполеона завершить войну переговорами и подписанием мира.

Кроме того, не желая декларировать в России освобождение от крепостной зависимости, Наполеон не хотел вмешиваться во внутренние дела и другого своего союзника — Великого герцогства Варшавского.

Не иначе как именно поэтому нижеследующее крестьянское обращение — документ уникальный, единственный в своем роде — осталось без ответа:

Жителей русаских губерний к французскому государу Наполеон. Государь! Бог хотьев чтоб русский народ не больше крипасной был, употреблял для сего силы ваши. Этот народ беден и ево обижает благородство (дворянство. — С. И.). Наши бары продают нас с родителей, или одново, как животных или отдают нас чтоб заплатить долги их. Выбор нами жены и наша жительство нам не позволено; и награждение что мы хорошо служили им нас палком дерут, а ежели жиз не отымают от того, что она им нужна. Мы желаем под новом государство идти, которой пуская нашу веру может нас защищать. И так остает нам благодарить Богу, что он нам к Вашему Величество объявить можем как защититель народов, что ево просить нас наволью пускать уверая ево от нашей верности...

Руса 30 сентября. Следуют подписи: *Филип Никитин, Иван Долов, Григорей Сафонов, Грегории Нестеров, Алексей Астанов, Алексей Кали-*

³⁹ *Maistre J. de. Lettres et opuscules inédits du Comte Joseph de Maistre. T. I. Paris, 1861. P. 267.*

нин, Сидор Комаров, Василий Брюшков, Иван Смирнов, Дмитрий Нестеров, Иван Сесачков, Яков Борисов, Ефим Мячин, Илья Кириков, Сергей Сарапкин, Яков Антонов и Петр Сарапкин.⁴⁰

Документ имеет отсылку «Арх. Влад. Деп. Собр., д. 1812 г.», то есть, надо полагать, был обнаружен во Владимирском губернском архиве.

Между тем, иноземное нашествие, большей частью вне зависимости от желания кого бы то ни было, способствовало распространению слухов самого различного свойства, являвшихся указанием на существовавшую напряжённость отношений между сословиями. Слухи перерастали в ропот, а затем и в волнения, сопровождавшиеся насилием по отношению к помещикам и чиновникам губернских администраций. По свидетельству француза, жившего в то время в России и хорошо знакомого с положением дел, ещё «до того, как французы подошли к Москве, и уже после оставления ими сего города, крестьяне сожгли немало помещичьих домов и в намерении обрести свободу произвели весьма большие беспорядки».⁴¹

В Витебской губернии, в Лепельском уезде, в июле 1812 г. крестьяне и мещане отказались повиноваться помещикам и чиновникам, посланным губернатором для наведения порядка. Большой ропот вызвал рекрутский набор, но, по словам одного чиновника, «кажется оный происходил более от самих помещиков, как будто для того, чтобы возбудить в крестьянах более ненависти». 19 июля имело место волнение в вотчине поручика Малышева, в которой числилось более тысячи душ. Вотчина располагалась на границе Смоленской губернии и Велижского уезда Витебской губернии. Бурмистр Малышева донёс смоленскому губернатору, что поводом к бунту послужило предписание правительства поставить рекрутов по Витебской губернии и произвести вооружение людей во временное ополчение в Поречье. Крестьяне разгромили дом помещика, разграбили усадьбу, прибили бурмистра с ключником и, связав, «повезли их к французам», но по дороге должны были их освободить. По сообщениям из тех же источников, захваченные в помещичьем хозяйстве «припасы разграбляются крестьянами», включая и рогатый скот, масло и соль. Более того, крестьяне, захватив до 5 000 четвертей ржи, «мелят её и поставляют французам».⁴²

Документы эпохи свидетельствуют о случаях членовредительства: как и в прежние времена, в 1812 г. ужас русского человека при мысли о рекрутском наборе подобен был ужасу казни, и уклонение от рекрут-

⁴⁰ *Анучтин В. П.* Сердце России. Первопрестольная столица Москва и Московская губерния в Отечественную войну. Очерк и архивные документы. М., 1912. С. 47.

⁴¹ *Passenans P. D. de.* La Russie et l'esclavage. Paris, 1822. P. 204.

⁴² Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА. Т. 14. СПб., 1910. С. 93–94, 282–283.

чины было делом вполне будничным и привычным. Новобранцев и в это патриотическое время вели в рекрутское присутствие под караулом, а уклонение от повинности преследовалось судебным порядком. Известно, например, «дело об умышленном повреждении крестьянином Василием Гавриловым у себя на левой ноге перста, избегая отдачи в рекруты». Дело состояло в том, что крестьянин деревни Прилеп Рославского уезда В. Гаврилов, «состоящий на очереди» к отдаче в рекруты, «порубил у себя на левой ноге большой перст». В остальном он был вполне здоров и годен к службе. 2 июля 1812 г. дело было представлено в Рославский земский суд, из которого передано в суд уездный, но пока суд да дело, виновный в членовредительстве бежал. Тем не менее, 28 ноября 1813 г. Гаврилов был приговорён к 500 шпицрутенам трижды, после чего (если бы остался жив) должны были определить его в солдаты или извозчики, но если оказался бы негоден, то после наказания его предписывалось сослать в каторжные работы «с зачётом помещику за рекрута». Сенат подтвердил решение Рославльского Уездного суда, но «вследствие Всемилостивейшего манифеста 1814 года Августа 30 дня, заключил о крестьянине Гаврилове всякое суждение оставить», то есть простил и от суда и следствия освободил.⁴³

Вообще, членовредительство, вероятно, не было редкостью. В тетради Владимира Павловича Шереметевского, чиновника Управы благочиния, куда записывались «докладные и настольные регистры», встречается указание на дело крестьянина сельца Солнушкова Серпуховской округи Тимофея, «повредившего у себя левой глаз избегая рекрутской отдачи», а также дело о дворовом человеке Сулове «за порезание себя ножом по горлу в отбывательство от рекрутства».⁴⁴

В селе Гребневе (Богородского уезда. — *С. И.*), — говорится в одном из документов эпохи, — по 6-й ревизии значилось 1 099 душ. «С оных в Московское ополчение отдано 110 человек. В то число в вотчину явилось при приказах Богородского земского суда 56, следовательно в неявке находится 54».⁴⁵ Таким образом, люди, принимавшие ополчение за рекрутчину, дезертировали из него так же, как из настоящей солдатчины. К тому времени и к тому же Богородскому уезду относится и рапорт в земский суд управляющего помещьем княгини Анны Александровны Голицыной от 4 июля 1812 года: «...Сего числа пополудни в шесть часов явившись в вотчине Госпожи моей в деревне Фрязиной, как видно и по мундиру, что Московскаго гарнизоннаго полка но и по объявлению действительно онаго полка 3-го Баталиона 4-й роты рядовой Алексей Лопа-

⁴³ Шукин. М., 1899. Ч. 4. С. 202-206.

⁴⁴ Шукин. М., 1905. Ч. 9. С. 334, 340.

⁴⁵ Шукин. М., 1903. Ч. 7. С. 227.

тин, котораго заметив выборной оной деревни что шатаясь по деревни взяв его представил ко мне. А как он объявил мне, что ушедши без ведома своего начальства, и не имея при себе никакого виду: то и представляю его в оный земский суд...».⁴⁶

В начале августа витебский вице-губернатор сообщил командующему корпусом П.Х. Витгенштейну, что в поветах Полоцком, Городецком и Невельском, «по внушениям неприятельскими войсками необузданной вольности и независимости», крестьяне не только вышли из повиновения помещикам, но, «ограбив и изгнав» их, «достигли высочайшей степени буйства и возмущения», так что и земская полиция не в силах их усмирить. Вице-губернатор просил прислать «приличный отряд» для «приведения в спокойствие возмущившихся». Тем временем волнения распространились и на другие уезды. В начале октября уже витебский губернатор донес Комитету министров, что для очищения от неприятеля четырёх поветов (Велижского, Суражского, Городецкого и Невельского) и для усмирения крестьян он требовал от того же Витгенштейна эскадрон конницы и 200 казаков, но ответа так и не получил.⁴⁷

В августе же крестьяне Витебской губернии распускали собранных рекрут и принуждали к тому помещиков, а некоторых освобождали вступавшие в ту губернию французы. Возникли слухи «о мнимой вольности», и крестьяне еще в октябре 1812 г. оставались «вне повиновения». Губернатор настаивал на присылке военных команд, и Военное министерство сделало о том распоряжение.

В Тверской губернии, в Едимонове, имении барона Н.И. Корфа, крестьяне после взятия Москвы поговаривали: «Как же! Станем мы лошадей готовить под господское добро. Придет Бонапарт, нам волю даст, а мы господ и знать не хотим».⁴⁸ По словам тверского помещика И.Я. Вилькинса, дворян, выказывавших намерение к бегству, собственные их крестьяне выдавали французам, «на других делали им же доносы, иных сами грабили, даже били».⁴⁹

Из далёкого от военных действий Саратова до помещицы М.А. Волковой дошла весть о волнениях в принадлежавшем ей селе Добринки Камышинского уезда Симбирской губернии. Бурмистр Григорий Шокин в письме от 12 августа сообщил своей барыне, что «вотчин Вашего Высокопревосходительства состоящих под моим управлением села Верхней Добринки крестьяне рядовые почти все без изъятия, с самого

⁴⁶ Шукин. М., 1900. Ч. 5. С. 93.

⁴⁷ Журналы Комитета министров. Царствование Императора Александра I, 1802–1826 гг. Т. 2. СПб., 1891. С. 586.

⁴⁸ Толычева Т. Рассказы очевидцев о двенадцатом годе. М., 1873. С. 48.

⁴⁹ Земледельческий Журнал. 1832. № 6. С. 315.

объявления <...> мнения Государственного Совета, о предоставлении дворянам на волю о подаче посемейных о крестьянах обоего пола списков, не вняв силы того объявления, вообразили, что чрез сие даётся им вольность быть барскими или нет и единомысленно все склонились на то что быть непременно им вольными...». При этом крестьяне «вместо того, чтобы выслушать мои советы и уговоры, ругали на оном сходе меня не яко бурмистра, но яко самага подлага человека всякими непотребными словами...»,⁵⁰ но крестьяне не стали далее бунтовать и разошлись по домам.

5 сентября тверской гражданский губернатор Л.С. Кологривов доносил генерал-губернатору принцу Георгу Ольденбургскому, мужу великой княгини Екатерины Павловны, что в Волоколамском уезде, оставшемся без начальственного надзора, «некоторых помещиков и экономические крестьяне Никольской волости <...> вышли из повиновения своим помещикам, приказчикам и старостам; при чём в имениях господ учинили грабёж: хлеб и рогатый скот расташили; из погребов одного имения вина и библиотеку отдали священнику, который, не удовольствуясь награбленным имуществом, свёл с господского двора даже последнюю лошадь».

Бунтуя, крестьяне говорили, что «отныне они принадлежат Французам, поэтому и повиноваться будут им, а не Русским властям. Чтобы прекратить бунт, Кологривов обратился за помощью к военной силе, а именно к барону Ф.Ф. фон Винцингероде, стоявшему с полками по трактам близ Волоколамского уезда. Тот прислал два полка. Во избежание распространения опасности крестьянского бунта, в уезды были направлены чиновники, коим поручено было внушать крестьянам, что «злодей, который не имеет ни веры в Бога, ни любви к человечеству, отнюдь не может быть их покровителем, а также праведным судьей и защитником, тем более что он в храмы ставит лошадей, святые образа раскалывает, украшения церковные грабит и ругается над святынею...».⁵¹ Это со временем возымело своё действие, но далеко не сразу, а лишь тогда, когда по оставлении Москвы Великая армия отступала к западным границам России. Но и тогда бежавших в леса крестьян в ряде случаев приходилось убеждать вернуться в свои селения и вооружиться против неприятеля, но, например, в Гжатском уезде «воодушевить обывателей и возбудить стремление к обороне было крайне затруднительно».⁵²

В середине октября помещик Дорогобужского уезда Павел Лыкошин, спасавшийся от французов со своими дворовыми в Бельском

⁵⁰ Отголоски 1812–1813 годов в письмах к М.А. Волковой. М., 1912. С. 31–32.

⁵¹ Слезкинский А. Народная война в Смоленской губернии в 1812 году // РА. 1901. № 5. С. 7, 9.

⁵² РА. 1901. № 5. С. 19.

езде, известился о том, что его крестьяне взбунтовались и не признают русских властей. Помещик вместе с дорогобужским дворянином Бедряевым и дворовыми людьми, отправился на место бунта, но разъярённые крестьяне убили и своего барина, и Бедряева, а дворовых отпустили, пресильно избив. Узнав об этом, находившийся поблизости полковник Дибич послал для усмирения бунтарей команду, которая и подавила волнения. Двое из бунтовавших были расстреляны, а прочие подвергнуты телесному наказанию. В другом уезде дворянский предводитель начал было собирать крестьян, чтобы учредить «партизанско», но крестьяне всячески отказывались, а некоторые «селения уже перестали подчиняться властям и говорили о подданстве французам». Примечательно, что крестьяне, узнав, что предводитель хочет привлечь их к «партизанству», воспрепятствовали этому и «ополчились на границах <уезда> в числе более 300 человек», так что помещики отказались от этого намерения в опасениях как бы «не последовало смертоубийства».⁵³

Бунтовали крестьяне и подмосковного села Неплюево. «Карлик фаворита» рассказывал впоследствии, что крестьяне помещичий «дом сожгли и, что в доме было, всё разграбили <...> Они разделили всё имущество, скатерти драли на несколько штук, гардины, зановесы, обои и простыни, всё драли». Библиотеку бунтовавшие отдали священнику, поэтому она и осталась цела. Вообще же «дорогие вещи: картины, часов и бронзы, и вазы редкие были; все пропали». Мало что удалось отыскать и вернуть владельцам, но бунтовщиков наказали, чтобы другим неповадно. «Тут была большая экзекуция, — вспоминает мемуарист, — казаки и драгуны, исправник и городничий: первого бунтовщика присудили кнутом, а других — плетьюми, а прочих розгами».⁵⁴

Таким образом, для кого война 1812 года воистину была «народной» войной так это для поместного дворянства — от её исхода зависело его будущее благосостояние или разорение. И своё представление о «народной» войне дворяне в силу собственной помещичьей психологии ожидали найти у своих крестьян. Любопытно, что по окончании войны в главенствующих сословиях получило широкое распространение искреннее убеждение в том, что народ проникся этим патриотическим настроением и, движимый им, во всё время с начала войны и до его конца с энергией необыкновенной воевал с «супостатом». Они были уверены, что народные усилия сделали если не самое главное, то, во всяком случае, оказали существеннейшую услугу. Недаром они так восхваляли «на-

⁵³ Там же. С. 20–21, 25.

⁵⁴ *Якубовский И.А.* История жизни Ивана Якубовского, карлика Светлейшего князя Платона Александровича Зубова, написанная им самим // *Slavische Propiläen: Texte in neu- und nachdrucken.* Bd. 32. München, 1968. С. 116–117.

родную» войну. И, — здесь другой любопытный момент, — будучи в этом уверены, они отказывались вознаградить народ тем, что составляло для него наибольшую цену, поскольку крестьяне, по их мнению, только выполнили свой долг. Более того, как писал в середине января 1813 г. князю А.Н. Голицыну Феофилакт (Русанов) архиепископ Рязанский, которому было поручено восстановление богослужения в Смоленской губернии, большинство помещиков «просят только денег и денег, дабы, прежде всего, поправить своё, а не крестьян состояние». Многие же из них, «возвращаясь в свои деревни, отнимают у крестьян последнее, заставляя их кормиться милостынею... Бóльшая половина жителей нищенствует. Обличаемые крестьяне в присвоении себе господских вещей истязываются без пощады...».⁵⁵

Недаром Ростопчин писал Александру I 26 октября ещё 1812 г.: «Умоляю Ваше Величество распустить ополчение последнего набора; оно будет бесполезно для службы и в тягость властям. Лучше бы назначить число рекрут и составить из них полки, нежели держать по деревням этих мужиков, от которых ни разу не было ещё пользы и которые только все портили...».⁵⁶ Неслучайно поэтому в обществе высказывались опасения насчет последствий войны: представители дворянского сословия справедливо опасались, что отношения помещиков и крестьян могли выйти из привычного равновесия.

«Когда неприятель удалился, — писал впоследствии Н.И. Тургенев, — те из них (крестьян. — *С. И.*), которые были крепостными, вполне естественно думали, что такое геройское сопротивление, преодоление стольких опасностей, навстречу которым они храбро шли, стольких лишений, самоотверженно перенесённых ради общего освобождения, — давали им право на свободу. Убеждённые в этом крепостные некоторых областей не хотели более признавать власть своих господ».⁵⁷

Характерно, что ратники Новгородского ополчения, возвратившиеся из похода в державинское поместье в 1814 г., объявили своему барину, что были отпущены «на время» (так, вероятно, поняли они слова манифеста о временном ополчении) и, будучи казёнными, помещику служить не могут. Им старались внушить, что они «обращены совершенно в первобытное состояние», но они не слушались и ни в какую работу идти не хотели. Очевидно, ратники не могли себе представить, что пользование «среди своих семейств спокойствием», обещанное именным указом от 22 января 1814 г., означает ни что иное,

⁵⁵ Дубровин Н.Ф. Отечественная война в письмах современников. СПб., 1882. С. 449.

⁵⁶ РА.1892. № 8. С. 554.

⁵⁷ Тургенев Н.И. Россия и русские. Т. 1 / Пер. с фр. Н.И. Соболевского. Под ред. А.А. Кизеветтера. М., 1915. С. 17.

как пребывание по-прежнему под «опекой» помещика. Обо всем этом Г.Р. Державин сообщил в письме к управлявшему тогда Министерством полиции С.К. Вязмитинову. В ответ 23 июля Вязмитинов предписал исполнявшему должность Новгородского губернатора Муравьеву внушить бывшим ратникам, чтобы они исполняли все возложенные на них обязанности и «помещику своему были совершенно послушны». Самому же Державину Вязмитинов предложил того из ратников, который «возбуждает смуту между людьми» и грубит господину, сдать в рекруты, но без зачёта, так как он, избегая рекрутчины, отрубил себе один сустав пальца.⁵⁸

Несомненно, были в годину нашествия иноземцев на Россию и отрядные примеры горячего, большей частью, юношеского, энтузиазма и гражданского служения Отечеству, воспитанные на героических и добродетельных примерах античности и позднейших эпох. Но, говоря об общей картине войны, которая вошла в жизнь русского общества в 1812 г., приходится признать, что картина эта на деле весьма и весьма отлична от той, что воспета в лирико-эпических произведениях современников.

Неслучайно поэтому молодой А.В. Никитенко, известный в будущем писатель и просвещенный цензор, занёс во время войны 1812 г. в свой дневник такие наблюдения: «Странно, но в этот момент сильных потрясений, который переживала Россия <...> всё окрестное общество равнодушно относилось к судьбам отечества». И далее, говоря о лицах, посещавших отца, управляющего имением помещицы Богучарского уезда Воронежской губернии: «...Никогда не слышал я в их разговорах ноты тёплого участия к событиям времени. Все, по-видимому, интересовались только своими личными делами. Имя Наполеона вызывало скорее удивление, чем ненависть. Словом, общество наше поражало невозмутимым отношением к беде, грозившей России».⁵⁹ По мнению Никитенко, это могло происходить от отдалённости театра военных действий, но, скорее всего, из-за «апатии, свойственной людям, отчуждённым, как были тогда русские, от участия в общественных делах и привыкшие не рассуждать...»

Л.Н. Толстой в наброске вступительной части к роману, вспоминал, как начинал он писать и всё откладывал написанное: «В третий раз я вернулся назад по чувству, которое может быть покажется странным большинству читателей, но которое, надеюсь, поймут: я сделал

⁵⁸ *Семевский В.И.* Волнения крестьян в 1812 г. и связанные с Отечественной войною // Отечественная война и русское общество. Т. 5. М., 1912. С. 104–105.

⁵⁹ *Никитенко А.В.* Моя повесть о самом себе и о том «чему свидетель в жизни был». Записки и дневник (1804–1877 гг.). Т. I. СПб., 1904. С. 44.

это по чувству, похожему на застенчивость <...> Мне совестно было писать о нашем торжестве в борьбе с Бонапартовской Францией, не описав наших неудач и нашего срама. Кто не испытывал того скрытого, но неприятного чувства застенчивости и недоверия при чтении патриотических сочинений о 12-м годе?!»⁶⁰ Для него было очевидно, что житейская проза и низменные побуждения вкупе с материальными расчётами и в судьбоносные эпохи часто играют далеко не последнюю роль, а примеры бескорыстного идейного служения являются скорее исключением. Так, очевидно, было и в этом случае.

⁶⁰ Толстой Л.Н. ПСС. Серия 1-я. М., 1949. Т. 13. С. 54.